

УДК 398.22(=512.145)
DOI 10.25587/z2092-1252-0945-i

Л. Х. Мухаметзянова, К. М. Миннуллин

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан

ОБЩИЕ ТРАДИЦИИ В ЭПОСЕ И СЕМАНТИКЕ ОБРЯДА СОРЭН У ТАТАР

Аннотация. Традиционный фольклор является обширной сферой человеческой деятельности, именно поэтому важна фиксация и изучение этнокультурных явлений и их переосмысление. Данная статья посвящена исследованию некоторых вопросов взаимовлияния двух самостоятельных областей фольклористики: языческого в древности обряда *сорэн* (сорэн) и не менее древнего жанра – эпоса, выявлению общих проблем в данных областях народной культуры. Рассматриваемые с точки зрения историко-мифологических, художественных, эстетических, нравственно-воспитательных, социально значимых критериев, дошедшие до наших дней обрядовые и эпические акции вправе называться институтом сохранения самобытности, ценностей и творческого самовыражения. Выявление ранних мифологических представлений и исторической памяти народа, зафиксированных в вербальном эпическом тексте обряда, например, способно играть немаловажную роль в этнической идентичности той или иной нации, что особенно важно для современного общества. Научные изыскания по данной тематике способствуют созданию баланса между процессом глобализации в культуре и необходимостью сохранения и поддержания этнического разнообразия в современном мире.

Цель исследования – определить общие корни эпоса и обряда сорэн, по сохранным в обрядовом и эпическом фольклоре кодам установить эволюционирующие признаки мифологического сознания этноса. Основным источником фактического материала в исследовании послужили тексты тюркского эпического фольклора, а также песенные тексты, исполняемые во время названного народного праздника; широко использованы вновь найденные во время научных экспедиций материалы, в особенности – по обрядовому фольклору. В исследовании использованы сравнительные, структурно-описательные, историко-типологические методы. Научная новизна статьи заключается в том, что здесь впервые в своеобразном этническом примере поднимается вопрос интеграции эпического наследия и обрядового фольклора, рассматриваются современное состояние и трансформация календарно-обрядового праздника сорэн у татар, вводится в научный оборот новый материал по обрядовому фольклору татар в сравнении с образцами тюркского эпоса. Подход авторов к проблеме в малоисследованном ритуально-ситуативном аспекте позволил выявить некоторые общие маркеры и коды, бытующие в эпической и обрядовой культуре народа. В результате исследования охарактеризовано соотношение традиционности и современности в татарском эпическом и календарно-обрядовом фольклоре, установлена некоторая стилистическая и жанрово-поэтическая общность между обрядностью и эпосом, сделаны соответствующие выводы, определен потенциал темы для дальнейшего изучения вопроса.

Ключевые слова: эпос; фольклор; обряд сорэн; эпическая традиция; обрядовая поэзия; ритуально-ситуативный аспект; семантика обряда; мифологическое сознание; этнос; татары.

МУХАМЕТЗЯНОВА Лилия Хатиповна – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела народного творчества обособленного структурного подразделения Академии наук Республики Татарстан «Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова», Казань, Россия.

E-mail: lilmuhat@mail.ru

MUKHAMETZIANOVA Liliia Khatipovna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Department of Folk Art of a separate structural unit of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan “Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibrahimov”, Kazan, Russia.

E-mail: lilmuhat@mail.ru

МИННУЛЛИН Ким Мугаллимович – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, директор обособленного структурного подразделения Академии наук Республики Татарстан «Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова», Казань, Россия.

E-mail: minnullin.kim@yandex.ru

MINNULLIN Kim Mugallimovich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Director of a separate structural unit of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan “Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibrahimov”, Kazan, Russia.

E-mail: minnullin.kim@yandex.ru

L. Kh. Mukhametzyanova, K. M. Minnullin

General traditions in the epic and semantics of the Tatar ritual holiday Soren

Abstract. Traditional folklore is a vast area of human activity, which is why it is important to fixate and study ethnocultural phenomena and their rethinking. This article is devoted to the study of some issues of the mutual influence of two independent areas of folklore: the pagan rite of Soren in antiquity and the no less ancient genre – the epic, identifying common problems in these areas of folk culture. Considered from the point of view of historical, mythological, artistic, aesthetic, moral, educational, socially significant criteria, ritual and epic actions that have come down to our days can be called an institution for the preservation of identity, values and creative self-expression. Revealing the early mythological ideas and historical memory of the people, recorded in the verbal epic text of the rite, for example, can play an important role in the ethnic identity of a particular nation, which is especially important for modern society. Scholarly research on this topic contributes to the creation of a balance between the process of globalization in culture and the need to preserve and maintain ethnic diversity in the modern world. The purpose of the study was to determine the common roots of the epic and the Soren rite, and from the codes preserved in ritual and epic folklore, to establish the evolving signs of the mythological consciousness of the ethnos. The main source of factual material in the study was the texts of the Turkic epic folklore, as well as the song texts performed during the said folk holiday; materials newly found during scientific expeditions were widely used, in particular – on ritual folklore. The study used comparative, structural and descriptive, historical and typological methods. The scholarly novelty of the article lies in the fact that for the first time, in a kind of ethnic example, the issue of integration of the epic heritage and ritual folklore is raised, the current state and transformation of the Soren calendar-ritual holiday among the Tatars is considered, new material on the ritual folklore of the Tatars is introduced into scientific circulation in comparison with samples Turkic epic. The authors' approach to the problem in a little-studied ritual-situational aspect made it possible to identify some common markers and codes that exist in the epic and ritual culture of the people. As a result of the study, the relationship between tradition and modernity in the Tatar epic and calendar-ritual folklore were characterized, some stylistic and genre-poetic commonality between ritual and epic were established, appropriate conclusions were drawn, and the topic's potential for further study of the issue were determined.

Keywords: epic; folklore; Soren rite; epic tradition; ritual poetry; ritual-situational aspect; ritual semantics; mythological consciousness; ethnos; Tatars.

Введение

Как одно из явлений традиционной культуры, обряд *сорэн* (далее в тексте название обряда будет употреблено в русской транскрипции: сорэн) относится к календарно-обрядовому фольклору. В народной среде праздник выполнял некую функцию очищения ранней весной, совершался перед весенними полевыми работами. Этот традиционный календарный обряд в древности имел магический характер, проводился с целью избавления от отрицательной энергии. По составу участников праздник следует отнести к гендерным мероприятиям, так как в нём главную роль играли именно юноши и мужчины. Так же, как и традиционный эпос, обряд сорэн имеет акциональные и вербальные грани, то есть в своем содержании объединяет действия участников и произнесенный им текст. Для данного обряда, как и «живому» эпосу, присущ синтез музыкального исполнения, речи сказителя или же вводы; роль присутствующей аудитории в проведении обряда также важна, как и в эпосе. Присутствие ритуализации как в обряде сорэн, так и в эпосе, а также взаимосвязи поэтики и стиливых особенностей обрядовых песен сорэн и эпических песен создают почву для сравнительного изучения семантики и содержания обряда сорэн и отдельных элементов эпоса, а также проведения параллели между этими двумя самостоятельными явлениями устного народного творчества.

Обрядность у татар в целом, календарный обряд сорэн в частности – тема достаточно известная и изученная в некоторых аспектах татарскими этнографами [1, с. 97–107; 2, с. 377–390], учеными-музыковедами [3, с. 21–24], о ней в общем плане упомянуто и в трудах ученых-фольклористов [4, с. 54–56; 5, с. 18–22], однако семантика обряда и его ритуальное содержание раскрыты не полностью. Тема исследования играет весомую роль в деле сохранения и возрождения утрачивающихся пластов «живого» фольклора, именно поэтому в данной статье пристальное внимание обращается на современное состояние образцов этнокультурного насле-

дия, выделяются ареалы бытования и особенности обряда у определенной группы татар – татар Поволжья. Заявленная в исследовании тема относится к области народной обрядовой и эпической культуры. Неразработанность темы и проблемы в татарской фольклористике вызывает необходимость в проведении новых исследований. Вновь найденные авторами материалы во время научных экспедиций также доказывают неисчерпанность изучения обрядового фольклора. Сравнительный анализ обрядовых действий (в том числе и речевых) и эпических традиций поможет выявить поэтико-художественные основы национального обрядового и необрядового фольклора, раскроет причины трансформаций домусульманских представлений народа.

Значение слова «сорэн». Тенденция к угасанию ритуального содержания обряда в татарском стадийно позднем эпосе

Сорэн как исторический военный термин означал «тревожный боевой клич», тревогу или же крик перед боем. В сочетании со словом *тору*, то есть *сөрэн тору* означает «стоять на карауле, готовый бить тревогу». В этнографическом смысле, сорэн – обряд и праздник изгнания злых духов весной и летом, если случались засуха, град и т. п. В диалектах это слово и сейчас активно функционирует в значении «громогласно звать, бегая по улицам, на праздник сорэн, на массовые конные скачки, например, во время сабантуя, конные игры, игрища». В этом смысле говорят: *сөрэн салу* ‘звать на праздник всех или громко сказать о чем-либо’, при этом хозяева домов должны угощать зовущего, обычно мальчика или группу мальчиков или подростков.

Кроме этого у слова «сорэн» много прямых и переносных значений в сочетаниях *сөрэн сузу* ‘громко призывать на сорэн’, *сөрэн чабу* ‘торопиться призывать на сорэн’, *сөрэн кычкыру* ‘кричать громким голосом с призывом на сорэн’, *сөрэнгә йөрү* ‘праздновать сорэн’ или ‘гулять на празднике’, *сөрэнләү* ‘громко кричать во все стороны’, *сөрэнче* ‘тот, который провозглашает сорэн’, *сөрэн ае* ‘месяц сорэн’, и даже *сөрэн бирү* в контексте праздника означающее ‘дать подарок или гостинец в честь праздника’ и т. д. Впрочем, некоторых из них мы еще коснемся в нашей теме. Доминирующий смысл слова «сорэн» – издание громкого звука, крик, то есть, возможно, ключевое тюркское слово *өн* ‘изданный кем-либо звук, глас, голос, крик’, созвучное второй части слова *сөрэн* (эн – өн) лежит в корне этого слова.

В татарском архаико-героическом и историко-героическом эпосе, берущем начало от общетюркского эпического наследия, часто встречается слово «сорэн». Подробное описание обычая в татарском эпосе отсутствует, однако лексическую единицу «сорэн», который употреблен в вышеупомянутых значениях, не сложно найти в тексте дастанов героического характера. Например, в дастане «Кахарман Катил» дворец заколдованного Карун шаха, ожидающего прихода своего спасителя Кахарман-батыра, охраняют воины шаха: *сөрэн торалар* ‘стоят на карауле’. Там же перед тем, как попасть в мифический мир дивов и пэри, который осуществляется через колодец, Кахарман подходит к глубокому колодцу и удостоверяется, ему ли принадлежит этот колодец. Здесь для объяснения о громогласном издании звука героя в тексте использована форма глагола *сөрэнләде*, что означает в контексте эпоса ‘спросил громким голосом’. Эти и другие примеры (например, в татарской версии историко-героического эпоса о Чура-батыре зафиксировано словосочетание *сөрэн таягы* букв. ‘палка сорэна’ и т. д.) использования лексемы «сорэн» в татарском эпосе в различных сочетаниях доказывают, что эпические произведения сохраняют историческую память о народных обычаях, хотя бы в лексике дастана отражают этническое миропонимание народа, заложенные в семантику древнего обряда.

Сорэн, известный многим народам Поволжья и Приуралья, является одним из ритуальных празднеств встречи весны, в котором отражается бытовая, хозяйственная, мифопоэтическая, языковая, фольклорная и другие аспекты повседневной жизни этноса. У чувашей соответствующий татарскому сорэну обряд называется *серен*, у удмуртов – *сурен*, у марийцев – *сюрем*, у башкир – *һөрән* и т. д. Тенденция к угасанию жанра у некоторых локальных групп дисперсно расселенных татар, как, например, у сибирских татар, и, наоборот, более стабильное сохранение элементов данного обряда, а также песенных текстов, произнесенных во время проведения праздника сорэн именно в Поволжье – это скорее результат совместного проживания и тесного культурного взаимообмена поволжских татар с соседними народами – с чувашами, башкирами, удмуртами, марийцами, для творчества которых также не чуждо «живое» исполнение народно-го материала.

Сорэн в поволжском регионе проводился в апреле. Накануне выгона скота на пастбище и весеннего сева юноши верхом на лошадях объезжали село. Принято было, чтобы хозяева их угощали выпечкой, сладостями, одаривали жертвенными подарками. Около каждого дома юноши останавливались и громко приветствовали наступающую весну, а хозяева выносили из своего дома куриные яйца и отдавали их юношам с пожеланиями будущего урожайного года. Во время исполнения обряда сорэн во главе шествия стоял мужчина, его называли *сөрәнче* ‘тот, который призывает на сорэн’, он носил специальный шест – *сөрән таягы* ‘палка сорэна’. На шест люди своими руками нацепляли полотенца и платки, вынесенные ими в качестве подарка на праздник.

Ритуальное содержание обряда заключается в том, что сорэн представляет собой в продолжении тысячелетий сложившуюся форму символической этики определенного коллектива людей. Присутствие в содержании сорэн кодифицированных действий (бегая по улицам села, громкогласный призыв к обряду – как нерациональное поведение человека; ношение шеста *сөрән таягы*, который символизирует мужское начало; произнесение специальной речи на разных этапах обряда; прыжок через костер как ритуал очищения от злых духов и др.) подтверждает культовое отношение общества людей к миру. До установки стадиально новых этических норм и появления иного представления о мире обряд сорэн выполнял ритуальную функцию, а со временем приобрёл церемониальную форму этики группы людей в бытовой обрядности.

В татарских версиях романических дастанов, которые формировались под влиянием средневековых эпических поэм Востока, слово *сөрән* встречается реже, чем в героическом эпосе. В большинстве случаев лексему можно встретить лишь в доминирующем его значении – «громкий глас, звук»; при этом ритуальное содержание термина и намеки на обрядность здесь не присутствуют. Например, в одном из вариантов романического дастана «Тахир и Зухра» обращение Тахира к падишаху выражено через глагол *сөрән салды*, то есть сказал свой *назым* ‘эпический стих’ громко [6]. Отдаленность от подробного описания обряда сорэн в дастанах любовного характера следует объяснить постепенным отказом стадиально позднего эпоса татар от оккультных взглядов и явлений и интенсивным переходом его к книжным традициям [7, с. 51–66].

Обрядовые песни сорэн в параллели с эпическими песнь-монологами

Во время сорэн исполнялись ритуальные песни. Их называют *сөрән жырлары* ‘песни сорэн’, *сөрән көйләре* ‘напевы сорэн’, *сөрән сугу көйләре* ‘напевы призыва на сорэн’. Из таких песен у татар сохранились образцы, содержащие благодарность за подарок или пожелания благополучия:

*Безләр килдек сезләргә
Бүләк бирерләр дип безләргә.
Бүләкләр бирсәгез безләргә,
Озын гомер телим сезләргә* [8, л. 27].

Мы пришли к вам
В надежде, что вы одарите нас подарками.
Если вы дадите нам подарки,
Пожелаем Вам долгой жизни¹.

В Азнакаевском районе Республики Татарстан во время комплексной экспедиции в 2019 г. нами был записан следующий порядок проведения данного обряда со слов Султановой Хидии Махмутовны, 1933 года рождения, из села Сарлы (слова информанта цитируются в переводе на русский язык с татарского): «Помню сорэн. Раньше проводили. Накануне жгли большой костер на поле. Кричали: *Иртәгә сөрән, аннары телән!* ‘Завтра – сорэн, а на следующий день – мольба!’ . Старшие по возрасту говорили: *Әнә, дәрә кычкыралар!* ‘Вон кричат дерэ!’ » [9, л. 17]. Информант объясняет, что громкий призыв на сорэн в этой местности назывался *дәрә кычкыру*. Речь идет о криках с провозглашением о приходе праздника рано утром, то есть с самой зари: *дәрә* – от искаженного русского слова «заря». Кроме этого у татар известен обряд *дәрә боткасы* с угощением в поле, который предшествовал обряду *сөрән сугу*, то есть сорэну, который проводился в детской среде в сопровождении такмаков² и такмаза³. «В назначенный день юноши верхом на конях собирали полотенца, ткани. Пели песни. Называли их *сөрән жырлары* ‘песни сорэн’:

¹ Здесь и далее перевод авторов.

² Жанр татарского музыкально-поэтического фольклора, исполняется в песенно-речитативном стиле, исполняется во время обрядов с игровыми действиями; в эпосе встречается как песенная вставка.

³ Рифмованная речевая единица, которая не поется.

*Озын чырышы бүрәнә
Чаналардан сөйрәлә.
Жиңги, кая тастымалың,
Муенга салсам, сөйрәлә.*

Длинный ствол ели волочится,
Если положить на сани.
Где же твое полотенце, *джингэ*⁴,
[такое же длинное, которое также] будет
волочиться на моей шее,
Когда я повешу его на шею.

Вот так подходили к дому и пели. Хозяйева дома выносили из дома кто яйцо, кто *кумеч* ‘ка-лач’, раздавали угощения. Кто гостинцы дарил, их благодарили, а кто ничего не давал, наоборот, грозились. На следующее утро был праздник. На майдане проходили разные состязания. Песни пели. Весело было» [9, л. 18].

Как видим, тексты песен обряда сорэн не сложные, однозначные, со стороны лексического состава, можно сказать, архаичные. Мелодия песен носит речитативный характер. Это сближает сохранённые и дошедшие до наших дней песни сорэн с древними обрядовыми песнями, которые в языческие времена выполняли определенную функцию.

Исследователь Р. Мухаметзянов утверждает, что по своей структуре песни на напев сорэн распадалась на несколько частей: вступительная часть, которая содержит приветствие хозяев; в содержании основной части обращались к хозяевам дома с требованиями угостить гостей; в заключительной части благодарили хозяев или же могли выразить недовольство, если не было угощений [10, с. 57]. Музыковед Н. Ю. Альмеева отмечает, что такие песни исполнялись на открытом воздухе, поэтому они отличались по звучанию от более мягкого исполнения других обрядовых песен, и для них характерна магическая роль [11, с. 10–11].

Следует сказать, что обряд сорэн и языческий праздник татар сабантуй полностью при-мыкают один к другому. Их объединяет предстоящая весенняя работа. Известно, что раньше сабантуй также проводился перед полевыми работами ранней весной. Сабан означал *сабан ае* ‘месяц май’, от этого и название праздника – *сабан туге* ‘сабантуй’. В определенный исторический период отмечается смешение этих двух обрядовых праздников. В Мамадышском районе Республики Татарстан, например, обычай сбора подарков у населения для проведения игр во время сабантуя называют *сорэн сугу* ‘громко оглашать о предстоящем празднике’, хотя некоторые информанты-старожилы по рассказам предшественников до сих пор помнят, что сорэн – это отдельный обряд, который проводился в каждой деревне и лишь в силу времени стал частью сабантуя.

Словесные выступления в ходе обряда легко ассоциируются с эпической песнью *сарыном*⁵ или *тулгау*⁶, произнесенным сказителем-чичаном. Например, обращение жены Чура-батыра Минлесылу во время проводов его в очередное сражение:

*Ала кит, батыр, ала кит,
Ат савырына сала кит.
Екет башыңа, батырым,
Бездәй иткән сабаны
Үз юлыңа корбанлыкка чала кит*
[12, с. 157].

Возьми меня с собой, батыр,
Кинь меня на спину своего коня.
Ты – джигит, о мой батыр,
Я не красавица, и ты меня
Принеси в жертву перед дорогой.

Схожесть поэтической речи героев обряда и эпоса сводится к использованию народного стиха. Формульность повторяющихся выражений в речи героев также приближает эпические выступления к поэтическим благопожеланиям участников обряда сорэн:

⁴ Жена брата или односельчанина.

⁵ Элегия, элегическая песня или жалобная песня в эпосе.

⁶ Изложение о каком-либо событии в стихотворной форме.

*Ат ялына тагылган,
Ак таякка уралган!
Сөрэн, сөрэн дигәнә,
Ишетеп каршы чыгалган –
Ак тастымал – корбанга!
Исән-аман бул, әңҗә!* [13, л. 25]

Прикреплен к лошадиной гриве,
Прикреплен к белому шесту!
Те, кто слышал призыв на сорэн
и вышел [на улицу] –
Пожертвуйте белое полотенце!
Будьте здоровы, жинге!

Кроме одинаковой стилистической оболочки произнесенных строк здесь все приведенные примеры тем или иным образом основаны на событиях ритуального характера (жертвоприношение), что также говорит о близком соприкосновении обряда сорэн и традиционного тюркского эпоса.

Построение ритмики в стиле песен сорэн и эпоса

Речитатив в стиле исполнения обрядовых песен сорэн напоминает о древних корнях праздника, сводит его с архаическим доисторическим эпосом, который восходит к раннему родовому периоду человечества. Тесная связь обряда сорэн с речитативным исполнением эпоса или же эпических песен особо заметна в вербальной части данного обряда. Так же, как и архаико-героический эпос, речитативное исполнение песен сорэн (призыв юношей к празднику, прошение у хозяев подарков и гостинцев, проявление признательности за оказанную честь и подарки, прощание с хозяевами дома после праздника и др.) во время праздника опирается на метод *сарына*, *тулгау* или *такмазы*, то есть по своей структуре походит на народный стих или эпическую прозу. Обращающийся в поэтической форме к хозяевам мужчина, например, в своей песне или же рифмованной речи с напевом часто прибегает к методу аллитерации. Широко известно, что такой же метод составляет основу импровизаторского исполнения объемных эпических текстов [14, с. 27–52]. Так же, как и в эпосе, текст песни сорэн представляет собой народный стих, опирается на выработанный из поколения в поколение канонический стиль эпического стиха, является импровизаторской формой творения. В песнях сорэн наблюдается частое употребление стандартных клише, эпической формы строфы и т. д. Например:

*Сөрэн суга киләбез,
Сез нинди бүләк бирәсез?
Сөрэн, сөрэн, агалар!
Саулык, байлык, агалар!
Сезнең алда торганда
Сора, телем, оялма!
Сөрэн, сөрэн дигәндә
Сүземә колак салмый буламы?
Сүз тыңлагыз, агалар,
Сөрәнгә йөрәң, агалар!* [13, л. 27]

Мы призываем вас на сорэн,
Какой будет от вас подарок?
Сөрэн, сөрэн, *агалар*!
Здоровья, богатства, мужи!
Когда я стою перед вами,
Проси, мой язык, не стеснясь,
Когда я говорю о празднике сорэн,
Разве можно не прислушаться моим словам?
Слушайте меня, мужи,
Призываю вас на участие в сорэн.

В тюркском эпосе изобилуют примеры использования аллитерационного способа подбора слов и звуков в речи сказителя [15, с. 156–159]. С целью демонстрации повторения (аллитерирования) согласных звуков в первом слоге каждой строки, благодаря чему сказитель строит ритмику своего текста, здесь приведем лишь один отрывок из киргизского эпоса:

⁷ Уважительное обращение к мужской части населения, старшей по возрасту, во множественном числе; по смыслу можно перевести как «мужи».

*Кырк жигитсиң жолдошум!
Кылкылдаган кол көрсө
Кылчайбы жолборсуң ...
Кыркылдаган калмактан
Коркпос күчкө толгонсуң.
Кытайга сүрдүү болсын деп,
Кыркыңа тарттым кырк кара ат,
Кылычыңа жалманса,
Кытайдан эли таң калат.
Кырк күнү жүрсө талыбас,
Кырк кара атың балбан ат.
Кылчайбай жоону качырсаң,
Кыркыңар мага кырк канат!* [16, с. 11]

Ты один как сорок молодых парней, попутчик мой!
Когда ты видишь дрожащую руку,
Ты как тигр!
Острого меча
Ты не боишься, ты полон сил.
Чтобы напугать Китай,
Я сделал тебе сорок вороных коней,
Если тебя поранит меч,
Страна Китай будет поражен.
Не устанет сорок дней
Сорок вороных коней.
Если убежит от тебя твой враг,
Пусть отрежут у меня сорок крыльев!

Исполнение магического ритуала с произношением речи – явление, присущее раннему эпосу. Научные мнения о том, что эпос как жанр вырос из обрядового фольклора или же обладание архаико-героического эпоса ритуально-мифологическим контекстом и магики-обрядовыми функциями отмечено многими эпосоведами в их трудах [17, с. 111; 7, с. 31–57]. В казахском, киргизском, ногайском, каракалпакском, карачаево-балкарском, якутском, башкирском фольклоре, а также в эпическом творчестве многих других народов до наших дней дошли героические сказания, в которых имеются мотивы, связанные со специальным исполнением эпических песен во время общеплеменных молений или же народных праздников, при выезде на охоту, перед предстоящим боем [7, с. 45–46] и т. д. Яркие примеры речитативного исполнения сказителем текста в обрядово-магическом контексте можно найти в киргизском «Манасе», казахском «Кобланды» и др. Обрядно-магический контекст также содержится в эпических песнопениях с содержанием благопожелания-напутствия, обращения к духу огня, в песнях удаганок якутского олонхо и т. д.

Магическая функция эпоса со временем затерялась, и эпос формировался как отдельный эпический жанр фольклора. Ритуально-магический элемент, когда-то существовавший в эпическом тексте достаточно хорошо сохранился в обряде сорэн. В конце обряда сорэн совершался ритуал очищения перед наступлением весенних полевых работ. На большой площади села жгли огромный костер. Перепрыгивая через них, молодые участники ритуала «избавлялись» от грехов, а также прогоняли злых духов, также испытывали свою силу, смелость, ловкость и т. д. Некоторые информанты упоминают о хождении по гостям после праздника, называлось такое хождение буквально *сөрәңгә йөрү*. Здесь также исполнялись обрядовые песни, например, в форме диалога:

– *Әби, бабай, сез иминме?*
Аш-тәгамнәр салдыгызмы?
– *Ашларыбыз әзер, оланнар,*
Утырыгыз, оланнар [9, л. 29].

– Бабушка, дедушка, как Ваше здоровье?
Приготовили ли вы угощения?
– Угощения готовы, дети мои,
Садитесь, родные!

Как показывают наблюдения на комплексных научных экспедициях, организованных ИЯЛИ имени Г. Ибрагимова АН РТ с начала XXI века в Актанышский (2009), Кукморский (2011), Мамашский (2013), Азнакаевский (2019, 2021), Арский (2016) и другие районы Республики Татарстан, в Астраханскую (2011), Самарскую (2014), Челябинскую (2017) и другие области Российской Федерации, в наши дни наблюдается возрождение фольклорных традиций. Местными фольклорными коллективами воспроизводятся театрализованные представления, основанные на обрядовый фольклор, в том числе и на обряд сорэн. Например, в селе Бучирме Кукморского района доктором филологических наук, фольклористом И. Г. Закировой записаны элементы сценария подобного театрализованного представления в исполнении фольклорного коллектива «Раушан көзгесе» (досл.: «Светлое зеркальце») [18, с. 239–240]. В этом сценарии фигурируют

обращения юношей к народу с призывом одаривать их подарками и гостинцами в честь праздника. Призыв на сорэн выражен *такмазой*, то есть в стихотворно-рифмованном речитативе:

*Сөрәнгә, сөрәнгә,
Сөрән бирегез!
Абыстайлар, абыстайлар, түтиләр!
Бирегез безгә күкәйләр!
Сөрәнгә! Сөрәнгә!*

На сорэн, на сорэн,
Дарите сорэн!
*Абыстай*⁸, *абыстай*, тәти!
Дайте нам яички!
Все на сорэн, на сорэн!

Подобные явления выступают как часть традиционного наследия и органично гармонизируют с современной этнокультурой народа.

Заключение

Обряд сорэн, когда-то исполненный в сопровождении архаичных ритуальных песнопений, клятв и заклинаний, магических возгласов, разумеется, оскудел по ряду причин. Поощряющий, пропагандирующий и внедряющий грамотность и образованность ислам, а также идеология эпохи в дальнейшем сильно повлияли на поведение народа и постепенно вытесняли глубокий языческий смысл и содержание праздника. Но тексты песен на напев сорэн, несколько трансформированные в содержании в связи с влиянием исламской культуры, до сих пор встречаются в народном репертуаре:

*Безләр килдек, ай сезләргә,
Тастымаллар бирдегез безләргә,
Тастымаллар бирдегез, ай, безләргә,
Аллаһ саулык бирсен сезләргә!* [8, л. 35]

Мы пришли к вам,
Дарили вы нам полотенца,
Ой, дарили вы нам полотенца,
[за это] пусть Аллах даст вам здоровья!

Итак, излагаем сделанные по анализу практического материала следующие выводы. Сорэн – старинный обряд, который имеет тенденцию к угасанию. Глубокий магический смысл обряда с трудом угадывается в эпосе, он затерян или представлен в искаженных вариантах и в воспоминаниях современных информантов. Сохраненные у татар Поволжья современные сведения об этом празднике свидетельствуют о сильной трансформации устоявшихся традиций. В большинстве случаев восстановление обряда сорэн возможно лишь через лексические единицы, в которых отмечены архаичные мотивы данного магического обряда. Эпос-дастаны в своем содержании доносят скудную весть об этом древнем обряде. В то же время поэтические образцы обряда сорэн по своему стилю и ритуальному содержанию напоминают о давнем родстве двух самостоятельных областей народной культуры. В обрядовых действиях и песенных текстах сорэн сохранились следы этно-мифологического сознания народа, в подсознательном уровне до сих пор бытующие в вербальной и акциональной частях праздника. Содержание эпоса и обряда в какой-то мере все же сохранило главные маркеры и коды, присущие этно-мифологическому сознанию этноса. Элементы доисламских верований, характерные для эпоса и обряда сорэн, с истечением времени соединены с монотеизмом исламской мифологии.

Известно, что у эпоса в древности была ритуально-обрядовая функция, которая исполняла практическую роль в жизни предков, что тесно связано с архаичными воззрениями того или иного народа и эпической преемственностью. Со временем необходимость прибегать к определенному рифмованному подбору слов, например, перед охотой или сражением потеряла всякую актуальность, и обрядовая функция эпоса была заменена эстетической. На определенном этапе эпос состоялся как самостоятельный жанр, хотя в своей лексике все же сохранил память об элементах обрядности. Ситуативно произнесенная речь (песня) во время сорэн также примыкает к архаичным представлениям человека. Некоторые сохраненные стилевые особенности исполнения живого эпоса и обряда сорэн дают возможность сделать заключение, что и народ-

⁸ Уважительное обращение к женской части населения, старшей по возрасту.

ный эпос, и обрядовый праздник сорэн имеют единую генетическую почву, основанную на обрядово-мифологический синкретизм. Начиная с исходной точки по сегодняшний день, и обряд, и эпос, являясь маркером определения самобытности этноса, выполняют функцию духовного самочувствия народа и нации.

Тема исследования обряда сорэн на этом не исчерпана. Богатый фольклорный материал по теме создает широкие возможности для дальнейших исследований. Например, тема имеет огромный потенциал в плане специального сравнительного изучения со стороны генезиса и семантики обряда у разных народов Поволжья и Приуралья и рассмотрения в единстве у всех народов и наций идеологических, предметных, текстуальных и др. компонентов праздника Сорэн, которые берут свое начало из древних языческих представлений мира. Исследование обрядового фольклора в параллели с архаичным традиционным эпосом также является органической частью эпосоведения многих тюркских народов.

Литература

1. Уразманова Р. К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл. XIX – нач. XX вв.). – Казань : Дом печати, 2001. – 198 с.
2. Татары / Р. Уразманова, С. Чешко, Д. Исаков [и др.]. – Москва : Наука, 2001. – 583 с.
3. Исакова-Вамба Р. А. Татарское народное музыкальное творчество (Традиционный фольклор). – Казань : Татарское кн. изд-во, 1997. – 264 с.
4. Бакиров М. Х. Татарский фольклор. – Казань : Ихлас, 2012. – 400 с.
5. Мөхәммәтжанова Л. Х. Татарларда сөрән йоласының мәгънәсе һәм эчтәлегә // Түгәрәк уен. – 2021. – № 2. – Б. 18–22. (На татарском яз.)
6. Таһир илә Зөһрә // Архив Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНРТ. – Фольклорный фонд, колл. 97, папка 5, ед. хр. 17. – 57 л. (На татарском яз.)
7. Мухаметзянова Л. Х. Татарский эпос: книжные дастаны. – Казань : Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2014. – 380 с.
8. Полевые материалы. Записано со слов Димухаметовой Галии Фархетдин кызы 1936 г. р. в с. Чалпы Азнакаевского района Республики Татарстан в 2019 г. // Личный архив Л. Х. Мухаметзяновой, К. М. Миннуллина. – Материалы по Азнакаевскому району. – 100 л. (На татарском яз.)
9. Полевые материалы. Записано со слов Султановой Хидии Махмут кызы 1933 г. р. в с. Сарлы Азнакаевского района Республики Татарстан в 2019 г. // Личный архив Л. Х. Мухаметзяновой, К. М. Миннуллина. – Материалы по Азнакаевскому району. – 100 л. (На татарском яз.)
10. Мөхәммәтжанов Р. Элсәсәң – табыла // Казан утлары. – 1977. – № 9. – Б. 5–59. (На татарском яз.)
11. Альмеева Н. Ю. К определению жанровой системы и стилиевых пластов в песенной традиции татар-кряшен // Традиционная музыка народов Поволжья и Приуралья / ответственный редактор З. Н. Сайдашева. – Казань : Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1989. – С. 7–11.
12. Ибраһимова Л. Х. Төрки халыклар ижатында «Чура батыр» дастаны. – Казан : Фикер, 2002. – 192 б. (На татарском яз.)
13. Песни Сорэн. Записано со слов Ижбирдиевой Зүльхабиры Фаритовны 1929 г. р. в с. Килинчи Приволжского района Астраханской области в 2011 г. // Личный архив Л. Х. Мухаметзяновой, К. М. Миннуллина. – Полевые материалы. – 67 л. (На татарском яз.)
14. Жирмунский В. М. Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха // Вопросы языкознания. – 1964. – № 4. – С. 27–52.
15. Нурахунова Г. М. Аллитерационные повторы в тюркском стихе // Успехи современного естествознания. – 2015. – № 1-1. – С. 156–159.
16. Курманбек. Жаныш. Байыш. (эпостор) / басмага даярдаган С. Закиров. – Фрунзе : Кыргызстан, 1970. – 384 б. (На киргизском яз.)
17. Бакиров М. Шигърият бишеге. Гомумтөрки поэзиянең яралуы һәм иң борынгы формалары. – Казан : Мәгариф, 2001. – 343 б. (На татарском яз.)
18. Милли-мәдәни мирасыбыз. Кукмара (Фәнни экспедицияләр хәзинәсеннән) / составитель и научный редактор М. Р. Булатова. – Казан : Г. Ибраһимов ис. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты, 2016. – 428 б. (На татарском яз.)

References

1. Urazmanova R. K. Rites and holidays of the Tatars of the Volga region and the Urals (Annual cycle. XIX – early XX centuries). Kazan, Dom pečati Publ., 2001, 198 p. (In Russ.)
2. Tatars. Compilers: R. Urazmanova, S. Cheshko, D. Iskhakov. Moscow, Nauka Publ., 2001, 583 p. (In Russ.)
3. Iskhakova-Vamba R. A. Tatar folk music (Traditional folklore). Kazan, Tatar Book Publ. House, 1997, 264 p. (In Russ.)
4. Bakirov M. Kh. Tatar folklore. Kazan, Ikhlas Publ., 2012, 400 p. (In Russ.)
5. Mukhametzyanova L. Kh. Semantics and content of ritual folklore called Soren among the Tatars. *Tugerek uyin*. 2021, no. 2, pp. 18–22. (In Tatar)
6. Tahir and Zuhra. In: Archive of the Center for written and musical heritage of the G. Ibragimov Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Folklore fund, coll. 97, folder 5, storage unit 17, 57 sh. (In Tatar)
7. Mukhametzyanova L. Kh. Tatar epic: book dastans. Kazan, G. Ibrahimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2014, 380 p. (In Russ.)
8. Field materials. Recorded from the words of Galiya Dimukhametova Farkhetdinovna (born in 1936) in village Chalpy of the Aznakaevsky district of Tatarstan in 2019. In: Personal archive of L. Kh. Mukhametzyanova, K. M. Minnullin. Materials on Aznakaevsky district. 100 sh. (In Tatar)
9. Field materials. Recorded from the words of Sultanova Khidiya Makhmutovna (born in 1933) in village Sarli of the Aznakaevsky district of Tatarstan in 2019. In: Personal archive of L. Kh. Mukhametzyanova, K. M. Minnullin. Materials on Aznakaevsky district. 100 sh. (In Tatar)
10. Moxammatganov R. When you are looking, you will find everything. *Kazan utlary*. 1977, no. 9, pp. 50–59. (In Tatar)
11. Almeeva N. Yu. On the definition of the genre system and style layers in the song tradition of the Kryashen Tatars. In: Traditional music of the peoples of the Volga and Urals region. Kazan, G. Ibrahimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 1989, pp. 7–11. (In Russ.)
12. Ibragimova L. Kh. Epic “Chura Batyr” in the creativity of the Turkic peoples. Kazan, Fiker Publ., 2002, 192 p. (In Tatar)
13. Songs of Soren. Recorded from the words of Zulkhabira Faritovna Izhbirdieva (born in 1929) in village Kilinchi of Privolzhsky district of the Astrakhan region in 2011. In: Personal archive of L. Kh. Mukhametzyanova, K. M. Minnullin. 67 sh. (In Tatar)
14. Zhirmunsky V. M. Rhythmic-syntactic parallelism as the basis of the ancient Turkic folk epic verse. *Voprosy Jazykoznanija*. 1964, no. 4, pp. 27–52. (In Russ.)
15. Nurakhunova G. M. Alliterative repetitions in Turkic verse. *Advances in current natural sciences*. 2015, no. 1-1, pp. 156–159. (In Russ.)
16. Kurmanbek. Janysh. Baesh (Samples of the epic). Prepared for publication S. Zakirov. Frunze, Kyrgyzstan Publ., 1970, 384 p. (In Kyrgyz)
17. Bakirov M. Cradle of poetry. The origin of common Turkic poetry and its most ancient forms. Kazan, Magarif Publ., 2001, 343 p. (In Tatar)
18. National and cultural heritage. Kukmara (From the treasure of scientific expeditions). Compiler and scientific editor M. R. Bulatova. Kazan, G. Ibrahimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2016, 428 p. (In Tatar)